УДК 82.091

«ХОРОШЕЕ ЖАЛОВАНИЕ, ПРИЛИЧНАЯ КВАРТИРА, СТОЛ, ОСВЕЩЕНИЕ, ОТОПЛЕНИЕ»: ИСКУС ГЕРОЯ НА СТРАНИЦАХ «ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРИБАВЛЕНИЙ К «РУССКОМУ ИНВАЛИДУ»»

Ю.Н.Сытина

“A GOOD SALARY, A DECENT APARTMENT, TABLE, LIGHTING, HEATING”: THE TEMPTATION OF THE HERO IN THE PAGES OF “THE LITERARY ADDITIONS TO THE «RUSSIAN INVALID»”

Yu.N.Sytina

Московский государственный областной университет, yulyasytina@yandex.ru

Центральная проблема произведения — духовная и нравственная гибель человека, не вынесшего цепящего мороза улицы и мертвящего холода равнодушных людей. Искус героя, его смятение и падение рассматриваются писателем через призму христианских представлений о душе человеческой, её божественной, но омраченной греховностью природе. Сатира и социальная критика уходят на второй план. Не к государственным реформам призывает Одоевский прежде всего, но к воскресению «мёртвых душ». Более глубокому пониманию «Хорошего жалования...» способствует его рассмотрение в контексте «Литературных прибавлений...», на страницах которых не раз поднимались темы истинных и ложных ценностей, человеческих слабостей и пороков, падения, покаяния и воскресения души.

Ключевые слова: *В.Ф.Одоевский, «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”», аксиология, контекст*

Central problem of the work is spiritual and moral death of a man, not rendered the numbing frost of the street one cold and indifferent people. Temptation of hero, his confusion and falling are considered by the writer through the prism of Christian conception of the human soul, its divine, but marred by the sin nature. Satire and social criticism go by the wayside. Not to state reform primarily calls Odoevsky, but to the resurrection of “dead souls”. A deeper understanding of “Good wages...” contribute to its consideration in the context of “Literary additions...”, which works not once addressed the topics of true and false values, human weaknesses and vices, fall, repentance and resurrection of the soul.

Keywords: *V.F.Odoevsky, “Literary additions to “Russian invalid”, axiology, context*

«Хорошее жалование, приличная квартира, стол, освещение, отопление» — название «домашней драмы» В.Ф.Одоевского, первое действие которой было опубликовано в газете «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”» за 1837 год под псевдонимом Безгласный. Заглавие произведения красноречиво — в него вынесены главные чаемые земные блага мерзнувшего и голодающего молодого человека. Блага эти довольно прозаичны и они оказываются вполне достижимыми — вопрос остается за ценой.

Тема искусства и соблазна не раз появляется на страницах «Литературных прибавлений...» — в повестях и очерках И.И.Панаева, В.А.Соллогуба, Д.Ю.Струйского, В.Серебряникова, В.Владиславлева, лирике Ф.Н.Глинки, И.И.Козлова, А.В.Кольцова, В.Мызникова, М.Маркова, Н.Соколова, зарисовках анонимных авторов.

Герой драмы Одоевского — молодой учитель, г. Измов, человек «благородной, но робкой наружности» (317) [1]. После ледящего холода улицы, при-

теснений и унижений он попадает в теплую приемную богатого дома, сулящего ему вынесенные в заглавие блага за честный труд учителя. Промежуточное положение героя подчеркивается местом действия — оно разворачивается «в приемной комнате, между гостиною и передней», убранной «очень богато, но без вкуса». Ожидая хозяина дома — генерала Сыромятникова — Измов в очередной раз перечитывает газетное объявление о поиске учителя для «благородного дитяти» за «хорошее жалование и содержание, приличную квартиру, стол, освещение и отопление» (317). Указан в объявлении и номер дома, в котором ожидают перечисленные блага — № 666. Но если Измовастораживает язык объявления, написанного «немножко неправильно, даже и не немножко...» (318), то «странность» номера дома решительно проходит мимо его внимания.

Измов уже потрепан жизнью: «Мне так часто случалось быть в дураках» (319), — признается себе герой, заранее готовясь к подвоху. Он не выглядит ограниченным и самовлюбленным, но образован и трудолюбив, пишет «во многих журналах», любит давать уроки (за ними «отведёшь душу»), однако средств не хватает, и деваться некуда — «хоть зубы на полку» (319). И вот Измову, благодаря протекции его «благодетеля», выпадает шанс получить выгодное место. Однако надежды героя связаны не только с материальными благами, но и с жадой благородной деятельности: «<...> хозяин этого дома не постигает, как я буду ему благодарен <...>. Он думает, что у него в доме просто наемник, а не человек, который чисто, бескорыстно и горячо будет служить ему. Высокая, прекрасная цель!» (319). Измов искренне верит благим своим намерениям, однако в них проскальзывает невольное лукавство: во-первых, он будет служить все же не вполне бескорыстно, а во-вторых, достижение высокой цели не лишено тщеславия, впрочем, довольно невинного.

Изголодавшегося и намёрзнувшегося Измова завораживает пышное убранство дома Сыромятниковых, поначалу он не замечает окружающей пошлости: «Какое здесь великолепие! <...> А как тепло! как здесь должно быть хорошо сидеть в этих креслах, читать, сочинять, мечтать!» (319). Как и Чарткову из «Портрета» Н.В.Гоголя, внешняя роскошь кажется Измову важной для созидания прекрасного, но именно она-то, как оказывается впоследствии, оглушает героя, душит в нем все чистое и бескорыстное. Характерно, что Измов хочет потратить «хорошее жалование» на «Шнейдеров лексикон, Гейнева Вирилия и бархатный галстук» (319) — дорогой галстук изначально оказывается для героя столь же важным и необходимым, как пища интеллектуальная и духовная.

На протяжении всего действия Измов беспрестанно мечется между высшими идеалами и материальным комфортом. Временному трезвлению героя способствует знакомство с «библиотекой» Сыромятникова: «<...> какие славные переплеты, я чаю весь Пушкин, Жуковский (*развертывает одну книгу после другой*): *Адресс Календарь... Состояние чинов... Придворный Месяцеслов... Нумерация домов в С. Петербурге... Штат чиновников...* Господи Боже

мой, что за библиотека! <...> Ну, в этой библиотеке мало для ума и для сердца. Что, ежели так и в целом доме?» (319) (курсив Одоевского. — Ю.С.). Книги становятся своеобразным воплощением сути жизни Сыромятниковых — блестящей и привлекательной снаружи, но мертвящей, насквозь пропитанной корыстью и тщеславием внутри. Все лучшее в герое восстает против перспективы остаться в доме Сыромятниковых, однако мысль о холоде и голоде пугает его не меньше.

Но вот сметенные раздумья Измова прерывает появление генерала Сыромятникова. Как и грибоедовский Фамусов, он смотрит на учение просто и видит цель образования сына в том, чтобы «как-нибудь так подготовить, чтоб только он мог экзамен выдержать, — потому что <...> ваше учение... ведь это вздор...» (319). Верхом образованности генерал считает аккуратный почерк и чинопочитание. Сыромятников начинает поучать Измова и так увлекается собственным красноречием, что даже задерживает отъезд на именины графа: «Дети! дети! ваше воспитание! чего вы стоите: того и смотри, что не первый приеду» (320), — раздраженно бросает он, убегающая и оставляющая решение судьбы учителя и воспитания «благородного дитяти» своей супруге.

«Господи Боже мой, какой вандал! Да он не только ребенка, и меня с ума сведет» (320), — в ужасе шепчет Измов, но его уже берется «экзаменовать» генеральша Глафира Львовна. Прежде всего она выясняет, сколько Измову лет, женат ли он и приходит к выводу: «Это дитя, которое надобно образовать» (320). Как ранее генералу, молодой учитель пытается возражать Глафире Львовне и держится довольно стойко, пока речь не заходит о костюме и галстуках. Слова генеральши «на вас будет шить Ваничкин портной» оказываются волшебными, Измов становится сговорчивее, хотя и бросает «в сторону» с ее уходом: «Да она просто волочится за мною; куда я попал?» (320).

Венчает семейство Ванечка — «избалованный, дерзкий мальчик», имеющий «все хватки взрослого негодяя» (317). Он прямо заявляет учителю: «<...> меня хотят в университет, а я хочу ездить верхом, пить водку и волочиться за женщинами...» (321). Хотя Ванечке еще не известна фамилия учителя, он «скороговоркою» произносит:

Да этих измов всех, скажи, где ты набрался?
Родился в Эзеле, а в Галле просвещался
И человеком стал. Скажите ж, человек,
Что с князем путного вы сделали в свой век?
Учились, учимся, учиться будем в век (321).

В первоисточнике, комедии А.А.Шаховского «Пустодомы», этот отрывок выглядит несколько иначе и представляет собой диалог мудрого и рачительного помещика Радимова с праздно умствующим философом Инквартусом. Одоевский переворачивает смыслы, заложенные в комедии, причем подчеркивает это примечанием к публикуемому в «Литературных прибавлениях...» действию: «Нужно ли говорить, что эти стихи приведены здесь не в укор почтенному автору комедии, из которой они заимствованы. Не вина комика, что не все слушатели одинаково

понимают его намерение» (321). И у А.А.Шаховского, и у Одоевского «философов» упрекают в несостоятельности, бесполозности и «пустомстве», но если в первом случае упреки исходят от мудрого и доброго Радимова, спасающего чудаков-ученых от полного разорения, то во втором — от невежественного и дерзкого подростка, издевающегося над просвещением как таковым и оправдывающего свою необразованность известными словами из назидательной комедии. Если у А.А.Шаховского развязка мыслится счастливой, то у Одоевского она оборачивается трагедией.

Важную роль в понимании Измова и авторского отношения к нему играет «говорящая» фамилия. Изначально она, по-видимому, призвана настроить читателя по отношению к герою иронически. Но вот фамилия открыто обыгрывается стихами из известной комедии — и кем же? Ванечкой! Читателю предлагается встать на позицию «благородного дитяти» и посмеяться вместе с ним. Но при такой постановке вопроса остается ли место для смеха? Явное искажение слов Радимова в устах Сыромятникова-младшего не приводит ли к исчезновению иронии?

После встречи с Ванечкой обнажается пропасть, перед которой оказывается Измов, и куда манят его «освещение и отопление». Учитель понимает, что надежды на исправление или вразумление Сыромятниковых тщетны, но что ждет его позади? «<...> здесь воздух заражен; здесь порок в каждом дыхании... а там... там мерзнет каждое дыхание...». В смятении, не зная, на что решиться, он мысленно обращается к авторитету своего благодетеля: «<...> ему не втолкуешь моих сомнений! он скажет: вздор, мечта, школьные бредни, философия...» (321). Боязнь прослыть чудаком, пойти против общепринятой нормы становится еще одним и весьма важным аргументом в споре героя со своей совестью. Терзаясь сомнениями, Измов в конце концов приходит к выводу: «<...> расчет простой: там голод, холод, темная комната, труд тяжкий, неблагодарный <...> а здесь: пять тысяч жалования, стол, приличная квартира, освещение и...отопление!» (321). Выбор сделан, и герой опрометью убегает в растворенную комнату генеральши — и не столько от холода позади, сколько от самого себя и от зова совести. Мистическая нота, заданная № 666, полностью оправдывается. Кажущаяся романтическая условность оборачивается правдой жизни, и она тем ужаснее, чем обыденнее. Жанр «Хорошего жалования...» определен Одоевским как «домашняя драма», но за повседневностью для писателя скрывается настоящая трагедия. Характерно, что именно «трагедией» назовет он «Свои люди — сочтемся» А.Н.Островского [2].

Высшие идеалы, к которым рвется душа Измова, так и остаются для него только словами. Однако об их силе и подлинности, их наличии в жизни проникновенно свидетельствует лирика «Литературных прибавлений...»:

О! знаю я: для душ высоких
Отрада есть добро творить
И в чувствах нежных и глубоких
Блаженство жизни находить [3]. —

проникновенно размышляет лирический герой И.И.Козлова.

В стихотворениях важным оказывается мотив раскаяния перед Богом, молитвенное обращение к Нему. Лирический герой «Покаяния» М.Маркова признается с тяжелой грустью:

Ты повелел душе мужаться, —
Святая стала пресмыкаться
Во храме идолов земных <...>
Я позабыл Царя вселенной
И стал служить рабам земным...

Только таинство исповеди и причастия даруют радость и просветление измученной душе лирического героя:

Проникнут весь огнем любви,
Чистейшей прикасаюсь крови.
Оковы спали, в сердце рай!..
Трепещет тело жизнью новой
Не страшен боле путь терновый,
Лишь Ты меня не покидай! [4].

Сразу после «Хорошего жалования...» следует бравое стихотворение С.И.Стромилова, обращенное к Д.В.Давыдову. Смелая широкая натура воина оттеняет слабость бедного и безвольного Измова, как и конъюнктурность генерала Сыромятникова. Созвучным стихотворению С.И.Стромилова оказывается образ смелой и решительной девушки из «Записок кавалерист-девицы» Н.А.Дуровой. Подлинная сила личности и нерушимость веры появляется в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М.Ю.Лермонтова.

Но чаще в «Литературных прибавлениях...» встречаются иные герои, подобно Измову утратившие духовный стержень, полные внутренней слабости. Это уже не сильные романтические личности, но предвестники «лишних» и «маленьких» людей.

В повести В.А.Соллогуба «Серёжа» одноименный герой упускает возможность личного счастья, отказываясь жениться на девушке из провинции, испугавшись насмешек своего столичного приятеля. Когда Серёжа понимает, что «променял счастье жизни на приманки малодушного тщеславия» [5], — исправить что-либо уже невозможно. Мельчание людей и жизни — центральная тема повести Д.Ю.Струйского «Преобразование», где смелый воин перестает быть таковым в повседневной жизни. Он отступает от изменившей ему невесты и удаляется в мир мечты, к деятельности же, к реальному поступку герой оказывается не способен. В «курской легенде» «Орфей в своем роде» В.Серебряникова показано измельчание и самого зла как такового.

Особый интерес представляет повесть И.И.Панаева «Сегодня и завтра», героя которой можно назвать предвестником «новых людей», что громко заявят о себе во второй половине века. Панаев прямо не говорит о происхождении Кремнина, однако, судя по всему, герой принадлежит к разночинцам, которым, благодаря знакомствам, удалось проникнуть в высший свет.

Кремнин с «большим самодовольством» упирается своей красотой и молодостью. Однако за восторженностью героя изначально проступает нечто

неестественное, не предвещающее добра: «В его глазах было *слишком много* души и воли, в его движениях, несмотря на их неловкость, *слишком много* благородства» [6] (курсив мой — Ю.С.). Герой беззаветно влюбляется в княжну Ольгу и начинает преследовать ее — пробирается в великосветские гостиные, только чтобы издали посмотреть на красавицу, не смея заговорить с ней. Социальное неравенство изначально обрекает Кремнина на неудачу: «Он внезапно почувствовал, какую преграду поставило общество между им и ею» [7]. Поддаваясь насмешливому настрою великосветского круга, жених Ольги отпускает неосторожные остроты в адрес Кремнина, и тот, задыхаясь от негодования, вызывает обидчика на дуэль.

В конечном счете, именно сословное унижение, а не несчастная любовь толкают Кремнина на поединок, а затем — на убийство: «Он думал: “рассчитываясь с графом, я рассчитываюсь со всеми этими господами, которые хотели подавить, уничтожить меня своею холодностью” — и он был доволен собою...» [8]. У Измова же, как и у большинства героев произведений «Литературных прибавлений...», еще нет чувства сословного унижения, ощущения своей изначальной социальной ущербности, не связанной с материальным достатком.

Отличительная черта не только «Хорошего жалования...», но и других произведений Одоевского в том, что на первом месте у него отнюдь не сатира и социальная критика, не к преобразованиям законов и порядков и не к государственным реформам призывает писатель прежде всего, но к воскресению «мёртвых душ», погрязших в быте, закосневших в бесконечных бумагах, чинах, наградах, коммерческих операциях. Возможность пробуждения такой души — мучительный вопрос для Одоевского, не раз поднимаемый им в творчестве. Вместе с тем, искус героя, его смятение и падение рассматриваются большинством авторов «Литературных прибавлений...», в первую очередь, через призму христианских представлений о душе человеческой, её божественной, но омраченной греховностью природе, а не с социально-политических позиций, характерных для русской критики и литературы начиная с 1840-х годов, но и теперь уже звучащих в «Сегодня и завтра» И.И.Панаева и отчасти «Серёже» В.А.Соллогуба.

Мотив разрушения высоких идеалов и прекрасных теорий героя от столкновения с грубой, зачастую беспросветной действительностью и прозой жизни прочно входит в русскую литературу вместе с романтизмом. Кто виноват, что герой не выдерживает испытания? Внутренняя слабость, отсутствие твер-

дых убеждений, жажда комфорта, боязнь показаться смешным, порочность общества как такового или конкретного социально-политического строя? Вопрос этот не раз поднимался в русской литературе и до Одоевского, в 1840-е годы его будут решать И.С.Тургенев, И.А.Гончаров, Н.А.Некрасов. Отчетливо сформулирует этот вопрос А.И.Герцен в одноименном романе — «Кто виноват?». Таким образом, «Хорошее жалование...» Одоевского вписывается не только в контекст «Литературных прибавлений...», но и в историю развития русской литературы. Писателю удалось уловить настроение времени и на конкретной русской действительности разработать этот, по сути, «вечный» сюжет — «обыкновенную историю».

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-34-11091.

1. Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» за 1837. № 33. С. 317-321. В круглых скобках после цитат указаны страницы.
2. Письмо князя В.Ф.Одоевского к приятелю-помещику // Русский архив. 1879. № 4. С. 525.
3. Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» за 1837. № 52. С. 509.
4. Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» за 1838. № 10. С. 189.
5. Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» за 1837. № 15. С. 288.
6. Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» за 1837. № 14. С. 127.
7. Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» за 1837. № 15. С. 138.
8. Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» за 1837. № 16. С. 147.

References

1. Literaturnye pribavleniya k "Russkomu invalidu" [Literary appendix to "Russkiy invalid"], 1837, no. 33, pp. 317-321. Pages are given in round brackets.
2. Pis'mo knyazya V.F.Odoevskogo k priyatel'yu-pomeshchiku [Letter from V.F.Odoevskiy to friend-landlord]. Russkiy arkhiv, 1879, no. 4, p. 525.
3. Literaturnye pribavleniya k "Russkomu invalidu" [Literary appendix to "Russkiy invalid"], 1837, no. 52, p. 509.
4. Literaturnye pribavleniya k "Russkomu invalidu" [Literary appendix to "Russkiy invalid"], 1838, no. 10, p. 189.
5. Literaturnye pribavleniya k "Russkomu invalidu" [Literary appendix to "Russkiy invalid"], 1837, no. 15, p. 288.
6. Literaturnye pribavleniya k "Russkomu invalidu" [Literary appendix to "Russkiy invalid"], 1837, no. 14, p. 127.
7. Literaturnye pribavleniya k "Russkomu invalidu" [Literary appendix to "Russkiy invalid"], 1837, no. 15, p. 138.
8. Literaturnye pribavleniya k "Russkomu invalidu" [Literary appendix to "Russkiy invalid"], 1837, no. 16, p. 147.